

Суриков И.Е.

О возможном историко-географическом контексте сюжета обценного изображения на "вазе Евримедонта" (малоизвестный эпизод греко-персидских войн)

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3476>]

[Публикация работы:]

Суриков И.Е. 2013: О возможном историко-географическом контексте сюжета обценного изображения на "вазе Евримедонта" (малоизвестный эпизод греко-персидских войн) // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. Т. 7., 46-57.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ

ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT YAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

И.Е. Суриков

О ВОЗМОЖНОМ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СЮЖЕТА ОБСЦЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ НА «ВАЗЕ ЕВРИМЕДОНТА»

(малоизвестный эпизод греко-персидских войн)*

Одним из весьма важных аспектов цивилизации античной Эллады – но при этом таким аспектом, о котором в историографии (особенно отечественной) по традиции предпочитают стыдливо умалчивать, – являлся гомосексуализм. Пресловутая «греческая любовь» без колебаний должна быть причислена к интегральным элементам, из которых сложился сам тип мировосприятия, свойственный эллинам, которые оказали определяющее влияние на формирование у них всей системы социальных практик. Если бы этот «стержень» был изъят из бытия греков, очень многие созданные им культурные феномены самых разных уровней (от развития атлетики до утонченных философских концепций Платона) имели бы, судя по всему, принципиально иной облик. Таким образом, проблема настоятельно нуждается в самом пристальном изучении.

Следует отметить, что в западном антиковедении начало такому изучению уже положено¹ и ряд важных наблюдений, в некоторой мере проясняющих интересующее нас явление, был сделан. Так, справедливо отмечалось², что в

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 08-01-00080а.

¹ Одним из первых опытов в этой области стала книга К. Довера, которую и по сей день можно считать классической (ссылаемся на немецкое издание, как на более позднее во времени по сравнению с первоначальным английским и, соответственно, более полное: Dover 1983).

² Cantarella 1989: 157.

рамках греческой цивилизации фундаментальная гендерная оппозиция пролегалa не по линии «гетеросексуальность – гомосексуальность», а по линии, разграничивавшей активную и пассивную роль в половом контакте (так что, собственно, само понятие гомосексуализма в данном контексте представляется не вполне релевантным). При этом активная роль соотносилась с ἄνδρες (взрослыми мужчинами), а пассивная – в абсолютно равной мере с γυναῖκες (женщинами) и παῖδες (подростками и юношами). Интересно, что, согласно классификации З. Фрейда, в таких случаях следует говорить об «инфантильной сексуальности»³; так и вспоминается известная сентенция о греческой античности как «детстве человечества».

Пока еще достаточное количество проблем остается в разработке такого серьезного вопроса, как семантика греческого гомосексуализма. Как правило, подчеркиваются его ритуально-инициационные истоки, плавно перетекающие в образовательную роль, которая впоследствии, в свою очередь, тоже оказывается практически отторгнутой в пользу чистого гедонизма⁴. Все сказанное в данной связи представляется безусловно верным (в числе прочего – о тесной связи гомосексуальных отношений с практикой симпосия, с воинским воспитанием и т.п.). Однако, на наш взгляд, такой подход акцентирует лишь одну «сторону медали», лишь одну, хотя и важную, составляющую сложного комплекса представлений.

В частности, необходимо отметить, что любое половое проникновение принципиально осмыслялось как символизирующее преобладание, господство⁵ (что и неудивительно, учитывая упоминавшуюся выше ментальную оппозицию «активного» и «пассивного» начал). Сказанное в полной мере относится и к гомосексуальным контактам⁶. Взрослый индивид мужского пола, по тем или иным причинам оказавшийся в несвойственной его статусу «пассивной» роли, уже не мог рассчитывать на отношение к себе со стороны сограждан как к полноценному, равноправному члену социума; он награждался позорным эпитетом καταλύων⁷ и становился объектом насмешек. «Активная» роль в подобных отношениях, напротив, служила фактором, лишь возвышающим в общественном мнении и поднимающим статус лица⁸.

³ См.: Фрейд 1997: 327 сл.

⁴ См., например: Марру 1998: 49 слл.; Грант 1998: 54; Йегер 2001: 242; Cantarella 1989: 157; Bremmer 1990. По поводу возможных параллелей в других культурных традициях см.: Семенцов 1988: 27 слл.

⁵ Здесь перед нами общецивилизационная, отнюдь не только грекам свойственная парадигма, которая сопряжена, очевидно, с естественными, физически обусловленными формами coitus'a, порождавшими представление о «сильной» и «слабой» позициях. Ср. противопоставление корневых морфем ἀρ- (αἶρω) и θε-/θη- (τίθημι) как в паре ἄρσις – θέσις, так и в паре ἄρσεν – θήλυ (ср. также рус. «сильный пол – слабый пол»).

⁶ Humphreys 1983: 57.

⁷ См. по поводу этого эпитета: Henderson 1991: 205 ff.

⁸ Кстати, именно в связи с этим в Афинах уже законами Солона активная роль в гомо-

У читателя может возникнуть недоумение, почему работе по историко-географической проблематике предпослано подобного рода гендерно-культурологическое введение. Но дело в том, что изобразительный памятник, попытка интерпретации которого будет предпринята в данной статье, в высшей степени располагает к размышлениям на эту тему. Речь идет о так называемой «вазе Евримедонта» – краснофигурной ойнохое, датируемой 460-ми гг. до н. э. Суд хранится в одном из частных собраний Гамбурга и был лишь относительно недавно (в 1975 г.) опубликован и введен в научный оборот⁹, но практически сразу же привлек обостренное внимание специалистов.

Изображение на этой прекрасно сохранившейся вазе отличается грубо-обсценным характером. Оно – не из числа тех, которые приводятся в красочных альбомах, рассчитанных на широкую публику. Персидский лучник в костюме, характерном для восточных персонажей в греческой художественной традиции (плотно облегающее трико), стоит, подняв руки и наклонившись вперед. Греческий воин, вся одежда которого состоит из накинутого на плечи плаща, приближается к персу *cum reпе erecto in manu*, с совершенно недвусмысленными намерениями. Изображение сопровождается надписью: Εὐριμέδων εἰμί. Κυβάρδε θέοτεκα – «Я Евримедонт. Я стою, нагнувшись вперед¹⁰». Нет полной ясности относительно того, к кому из двух действующих лиц должны быть отнесены эти слова: либо обе фразы «произносит» перс, либо ему принадлежит только вторая, первая же мыслится как принадлежащая греку (последний вариант кажется нам чуть более вероятным). Впрочем, в данном случае это и не принципиально.

Некоторые соображения по поводу запечатленной сценки, представляющей сами собой разумеющимися, уже были высказаны. Во-первых, никто не сомневается в том, что интересующий нас артефакт имеет самое непосредственное отношение к знаменитой «тройной победе» Кимона при реке Евримедонт – самому крупному сражению последнего периода Греко-персидских войн, в ходе которого афинский командующий вначале разгромил флот персов, затем, высадившись на берег, нанес поражение сухопутному войску противника, захватил лагерь и, наконец, сразу же снова выйдя в море, разбил подходившую на помощь своим финикийскую эскадру (основные свидетельства источников: *Thuc.* I. 101. 1; *Diod.* XI. 60–62; *Plut.* Cim. 12–13; *Polyaen.* I. 34. 1). Связь с этим событием отразилась в своеобразной ономастике на ойнохое. Хотя ЛИ Евримедонт

сексуальных контактах была запрещена рабам. См.: Ruschenbusch 1966: 97 f.

⁹ Editio princeps: Schauenburg 1975. Поскольку это издание в России труднодоступно, представляется нелишним указать на некоторые другие публикации, где тоже приведено изображение на этой вазе: Hülcher 1997: 230, fig. 18; Иванчик 2002: 35, рис. 16.

¹⁰ Κυβάρδε (κύβδα) – *terminus technicus*, употребляющийся почти исключительно в сексуально-обсценном контексте. См.: Иванчик 2002: 34.

встречается в Афинах¹¹, но здесь перед нами – явно обобщенный образ, а не имя конкретного человека: давая его то ли греку, то ли персу, вазописец сознательно стремился вызвать у зрителей ассоциацию с этой малоазийской речкой. Это подтверждается как сюжетом изображения, так и временем его создания. Датировка битвы при Евримедонте, правда, может быть установлена лишь с известной степенью приближенности: традиционно до недавнего времени предлагался 469 г. до н. э., но Э. Бадиану удалось привести достаточно весомые аргументы в пользу того, что сражение имело место несколько позже, в 466 г. до н. э.¹² Впрочем, в любом случае, мы не выходим за хронологические рамки первой половины 460-х гг., что полностью согласуется со временем росписи «вазы Евримедонта».

Во-вторых, безусловно верно и то, что подтекст изображения не только во временном, но и в символическом плане подразумевает именно упомянутую победу Кимона. В такой специфической форме автор, расписывавший сосуд, хотел подчеркнуть торжество эллинского начала над «варварским», превосходство победителей¹³. Но это – суждения максимально общего плана. А возможен ли поиск в данном сюжете какого-то более конкретного исторического ядра, аллюзии на некий специальный контекст не только цивилизационного, но и реального характера? На этот вопрос мы еще попытаемся ответить чуть ниже. А пока, по причинам, которые станут ясны в дальнейшем, несколько отвлечемся от прежней нити изложения и коснемся одного инцидента, который, как нам представляется, должен быть отнесен именно ко времени битвы при Евримедонте, хотя обычно его связывают с другими событиями.

Инцидент, который имеется в виду, был наиболее подробно описан автором V в. до н. э. – поэтом и мемуаристом Ионом Хиосским (FGrHist. 392. F 13), чье сообщение из позднейших писателей сохранили Плутарх (Cim. 9) и Полиен (I. 34. 2). Свидетельство Иона необходимо привести *in extenso*. Рассказывается об обеде в обществе Кимона, на котором присутствовал этот писатель. «...Разговор перешел на подвиги Кимона, стали вспоминать о самых выдающихся из них, и он сам рассказал об одной из своих хитростей, по его мнению, самой удачной. Союзники, захватив в Сесте и Византии множество варваров, поручили Кимону произвести дележ добычи, и тот распорядился так, что по одну сторону поставили самих пленных, а по другую сложили украшения, которые они носили; союзники стали порочить такой дележ, называя его несправедливым, и тогда он предложил им взять любую из частей:

¹¹ Наиболее известен Евримедонт, сын Фукла, несколько раз упоминаемый Фукидидом. Он неоднократно был стратегом в ходе Пелопоннесской войны и погиб в 413 г. до н. э. на Сицилии. Судя по времени его деятельности, этот афинянин родился уже после (видимо, вскоре после) битвы при Евримедонте. Уж не в ее ли честь он был назван?

¹² Badian 1993: 2 ff.

¹³ Ср.: Georges 1994: 71 f.; Lissarrague 1997: 953; Hölscher 1997: 229; Иванчик 2002: 34–36.

какую бы они ни оставили, афиняне-де будут довольны. По совету самосца Герофита, считавшего, что лучше приобрести вещи персов, чем самих персов, союзники взяли себе наряды и украшения, оставив на долю афинян пленных. Все сочли тогда, что этим дележом Кимон просто выставил себя на посмеяние: союзники уносили золотые запястья, ожерелья, шейные цепочки, персидские кафтаны, пурпурную одежду, афинянам же пришлось взять себе нагие тела мало привычных к труду людей. Вскоре, однако, съехавшиеся из Фригии и Ликии друзья и родственники пленных стали выкупать их, платя за каждого большие деньги, так что у Кимона собрались средства, которых хватило на содержание флота в течение четырех месяцев, а кроме того, немало золота и выкупных сумм осталось и для казны»¹⁴.

Как относиться к этому пассажу? С одной стороны, пересказанный здесь колоритный, запоминающийся эпизод, скорее всего, действительно имел место: он вряд ли мог быть выдуман (выдумать такое просто невозможно), тем более что информация исходит от автора-современника, а в конечном счете, как мы видим, – от самого Кимона, главного участника событий¹⁵. Более аутентичный источник просто невозможно себе представить¹⁶. С другой стороны, не оставляет впечатление, что в сообщение вкралась какая-то путаница, что оно приурочено традицией не вполне верно в географическом и временном отношении. Прежде всего, сразу бросаются в глаза некоторые детали, которые следует признать просто невозможными.

Обратим внимание на то, что в рассказе идет речь о Сесте и Византии, где были захвачены персы – добыча, которую делил Кимон. Не говорим уже о том, что эти два пункта находятся довольно далеко друг от друга: Сест в южной части Геллеспонта, Византий – уже на Боспоре Фракийском. Расстояние между ними по прямой – около 180 км, несколько дней корабельного хода. Крайне маловероятно, чтобы названные города могли стать объектом единой, общей операции, после которой, как было принято, происходил раздел добычи.

Еще важнее другое: Сест и Византий действительно были отвоеваны у персов в разное время. Остановимся на обстоятельствах их взятия подробнее, чтобы еще яснее стал факт недоразумения, имеющего место во фрагменте

¹⁴ Плутархова биография Кимона цитируется в переводе В.В. Петуховой.

¹⁵ Мы полностью солидарны с резонным замечанием Э. Бадияна: «Вполне очевидно, что это свидетельство не менее надежно, чем многие другие свидетельства об этом периоде: ведь сам Кимон указан в качестве источника по вопросу, который должен был быть хорошо известен в обществе, причем ссылается на Кимона автор, заявлявший, что сам слышал его и, во всяком случае, принадлежавший к его кругу» (Badian 1993: 211).

¹⁶ Эта стратагема Кимона, описанная Ионом, судя по всему, получила впоследствии широкий резонанс в греческом мире. Так, явно под ее впечатлением спартанский царь Агесилай, воюя в начале IV в. до н. э. в Малой Азии, продавал пленных персов обнаженными (*Xen. Ages. I. 28; Plut. Ages. 9*).

Иона Хиосского. По данным весьма авторитетных источников (*Herod.* IX. 117 sqq.; *Thuc.* I. 89. 2), честь освобождения Сеста принадлежит афинскому флоту под командованием Ксантиппа, отца Перикла¹⁷. Осада города началась осенью 479 г. до н. э., вскоре после битвы при Микале, и закончилась его сдачей весной 478 г. до н. э. Кимон, может быть, и участвовал в данной кампании (хотя источники об этом не говорят), но, во всяком случае, не возглавлял ее и не мог распоряжаться разделом добычи. Добавим еще, что Сест, по словам Геродота, капитулировал только после того, как персидский гарнизон тайно покинул его. Правда, какую-то часть этих беглецов грекам удалось догнать и взять в плен, но вряд ли этих пленных было очень много, да и не могли они представлять собой такую роскошную добычу, как описано у Иона Хиосского, поскольку за время блокады Сеста осажденные «дошли до последней крайности, так что варили и ели ремни от постелей» (*Herod.* IX. 118).

Что же касается Византия, то он был взят уже в следующий «военный сезон», осенью 478 г. до н. э., морскими силами Эллинского союза¹⁸, которыми на этот раз руководил спартанский регент Павсаний (*Thuc.* I. 94; I. 128. 5; *Diod.* XI. 44; *Nep.* Paus. 2)¹⁹. Достоверно известно (*Plut.* Aristid. 23; *Cim.* 6), что Кимон принимал участие в этом походе – но лишь в качестве одного из стратегов, возглавлявших афинскую эскадру. Иными словами, главнокомандующим он опять же не был и вопрос о судьбе добычи и пленных не решал. Кстати, судьба этих пленных персов сложилась своеобразно – об этом свидетельствуют и Фукидид, и Диодор, и Непот: Павсаний упустил их из рук, и получилось так, что пленники, отправленные под охраной некоего Гонгила из Эретрии, оказались в руках Ксеркса. Имела ли здесь место халатность, ошибка спартанского полководца или же он злонамеренно действовал в пользу противника (именно это последнее мнение разделяется всеми античными авторами, но тут следует учитывать общий негативный и тенденциозный образ Павсания, быстро сложившийся в историографии под влиянием официальной спартанской пропаганды) – судить трудно, да это для нас и несущественно. Важно, что описываемый Ионом дележ пленных к данному эпизоду Греко-персидских войн тоже не относится.

Кимон в течение своей длительной карьеры однажды тоже брал Византий. Об этом прямо сообщает Плутарх (*Cim.* 6), а Фукидид (I. 131. 1), хотя и не называет имени Кимона, говорит просто об «афинянах», зато ставит событие в более верный исторический контекст. Оно датируется 471 г. до н. э., причем Кимон, возглавлявший флот незадолго до того созданного Делосского союза, естественно, освободил Византий уже не от персов, а от засевшего там Павсания, вышедшего из-под контроля спартанских властей и в силу своей личной

¹⁷ Суриков 2000: 106.

¹⁸ Об Эллинском союзе см.: Kienast 2003.

¹⁹ См. об этих событиях: Loomis 1990.

харизмы представлявшего собой серьезный дестабилизирующий фактор на фронтах войны с Ксерксом. Опальный регент был изгнан Кимоном из города, который после этого надолго вошел в число союзников Афин. Но, естественно, в ходе этой кампании никакие персы в Византии не могли быть захвачены в плен: их там уже семь лет как не было.

Впрочем, Э. Бадиян²⁰ полагает, что Павсаний мог держать в Византии какое-то количество персидских войск. Однако это лишь догадка, не находящая ни малейшего подкрепления в источниках. Упомянутый исследователь идет еще дальше: стремясь отыскать-таки исторический контекст разбираемого здесь сообщения Иона Хиосского, он выдвигает гипотезу, согласно которой тогда же, в 471 г. до н. э. Кимон вновь взял у персов Сест. Но почему же уже освобожденный Ксантиппом город пришлось освобождать вторично? Бадияну приходится предположить, что первое овладение греков Сестом оказалось непрочным, кратковременным и вскоре персидские войска опять захватили его. В традиции о подобном развитии событий нет ни слова. А домысливать факт за фактом для того, чтобы обосновать выдвигаемый тезис, – такой способ исследования вряд ли можно признать конструктивным.

Надеемся, нам удалось показать со всей возможной определенностью: пересказанный Ионом эпизод с дележом добычи не имеет *никакого* отношения к Сесту и Византию. В то же время, как отмечалось выше, сомневаться в историчности самого этого эпизода нет оснований. Из сказанного следует однозначный вывод: имеет место некий *lapsus memoriae* у хиосского рапсода. Сам факт он со слов Кимона передал верно, а вот в отношении того, где и когда этот факт имел место, допустил путаницу. В конце концов, Ион не являлся военным историком и не писал труд о перипетиях Греко-персидских войн. В связанных с ними вопросах он вряд ли гнался за точностью; ему простительно было и ошибиться. А мы должны задуматься о другом, более подходящем и непротиворечивом контексте рассматриваемого инцидента.

Собственно, вариантов почти нет. Практически неизбежно приходится предположить, что речь должна идти о битве при Евримедонте²¹. Достоверно известно из источников, что добыча, взятая в этом сражении, была чрезвычайно обильной. Сказанное в особенной степени относится именно к числу пленных

²⁰ Badian 1993: 86, 100, 211.

²¹ Строго говоря, теоретически возможно приурочение эпизода еще к взятию Кимоном у персов в середине 470-х гг. до н. э. крепости Эйон на северном побережье Эгейского моря, в устье Стримона (см. об этом событии: Jacoby 1945: 185 ff.; Isaac 1986: 19, 60 f.; Касаткина 2002). Однако при ближайшем рассмотрении деталей и этот контекст оказывается невозможным: командующий персидского гарнизона в Эйоне, утратив надежду выдержать длительную осаду, поджег город, а сам покончил жизнь самоубийством (*Herod.* VII. 107; *Plut.* Cim. 7; *Polyaen.* VII. 24). Только таким образом Эйон попал в руки Кимона – лежащим в развалинах и практически лишенный добычи для победителя.

персов (учитывая масштаб победы Кимона, это можно было бы предполагать уже a priori). Приведем важнейшие свидетельства. Диодор (XI. 62. 1) пишет: «Кимон... взял в плен 340 триер и свыше 20 тысяч человек, а также захватил большое количество денег»²². Плутарх (Сим. 13) приводит некоторые детали: «После продолжительного сражения обратив варваров в бегство, афиняне убивали бегущих, а затем стали брать их в плен, захватывая заодно и палатки, полные всякого добра... После распродажи военной добычи народ не только приобрел средства на покрытие текущих расходов, но и получил возможность, благодаря все тому же походу, пристроить к Акрополю южную стену».

Итак, с очень большой степенью уверенности можно утверждать, что и необычный раздел пленных, о котором повествует Ион Хиосский, состоялся тогда же. Сколько-нибудь вероятной альтернативы просто нет. Флотом Делосского союза при Евримедонте командовал лично Кимон; соответственно, он же и распоряжался добычей, и урегулировал эти вопросы с союзными контингентами. Кстати, обратим внимание и на то, что впоследствии за пленными прибыли с выкупом их друзья и родственники «из Фригии и Ликии», как указывает Ион, а это (особенно упоминание Ликии) в географическом аспекте тоже гораздо лучше укладывается в контекст дела при Евримедонте, нежели в контекст военных действий в Черноморских проливах.

Иными словами, с учетом всего вышесказанного, мы можем констатировать, что после битвы при Евримедонте и последовавшего затем раздела добычи с союзниками афиняне оказались в ситуации, когда в их распоряжении были в большом числе раздетые по приказу Кимона пленные «варвары». В дальнейшем часть этих пленников была выкуплена родственниками, а остальных, очевидно, распродали на рынках рабов. Но до того как это произошло, греки, следует полагать, воспользовались представившейся возможностью, чтобы маркировать свое торжество над миром Востока символическими действиями сексуального характера (учитывая то, что было сказано в начале статьи о семантике подобных действий, выражавших победу, овладение).

Гипотеза, предлагаемая нами, именно в том и заключается, что обшечное изображение на «вазе Евримедонта» запечатлело не просто некую абстрактную идею (или, по крайней мере, не только ее), но и вполне конкретную, реальную ситуацию – ту, речь о которой шла выше. Возможно, художник, расписавший сосуд, сам был в составе флота Кимона и принимал участие в этом эпизоде с «овладением» персами, а потом, возвратившись домой, спроецировал свои впечатления на создаваемый им памятник искусства.

Мы прекрасно сознаем, что выдвинутый тезис является именно гипотезой – не более и не менее (потому и в заглавии статьи говорим о *возможном*, а не безусловном контексте сюжета). Доказать эту гипотезу со всей категорично-

²² Перевод В.М. Строгеецкого.

стью вряд ли когда-либо удастся. В то же время мы не видим и обстоятельств или фактов, которые опровергали бы наше предположение, не позволяли бы относиться к нему серьезно. Ничего невозможного, противоречащего древнегреческому образу жизни и мысли реконструированный эпизод не содержит.

Пожалуй, напрашивается только одно существенное возражение: если после битвы при Евримедонте афиняне имели дело с обнаженными пленниками, то почему же перс на ойнохое, напротив, изображен *одетым*? Но здесь мы выходим на проблему канонов художественной традиции – канонов, которые делали какие-то вещи абсолютно невозможными и недопустимыми. Одним из таких недопустимых, даже не рассматривавшихся приемов было бы в греческом искусстве изображение обнаженного «варвара». Нагота, так называемая «героическая нагота», являлась в данной традиции исключительной прерогативой представителей эллинской культуры, можно сказать, их важнейшим атрибутом²³. О причинах возникновения этого культа мужской наготы здесь не место говорить²⁴, но сам этот факт вне всяких сомнений. Хорошо известно, что в древнегреческом искусстве, будь то скульптура или живопись, персонажи часто изображаются без одежды или почти без одежды в таких ситуациях, когда в реальной жизни нагота не просто неуместна, но и прямо немыслима (например, воины, ведущие бой).

Практически обнажен и грек на «вазе Евримедонта» – именно потому, что он грек. И по той же самой причине перс, представитель «варварского» мира, на этом памятнике (равно как и на любом другом) мог быть только одетым²⁵, причем одетым обязательно в традиционный восточный костюм – таким способом недвусмысленно обозначалась его цивилизационно-этническая идентичность, таким способом он отличался вазописцем от эллина и противопоставлялся ему. Канон в подобных случаях оказывался сильнее действительности²⁶.

²³ См. об этом: Hölscher 1997: 196–199. Ср. также интересную дискуссию в отечественной историографии: Нефёдкин 2003; Алексинский 2003; Нефёдкин 2005. Одним из ситуативных вариантов «героической наготы» являлась широко известная атлетическая нагота греков (о ней см.: McDonnell 1991).

²⁴ Ср. весьма интересные размышления по этому поводу в эссе Максимилиана Волошина «Лицо, маска и нагота» (Волошин 1988: 399–404).

²⁵ Не противоречит сказанному наличие в греческой вазописи группы изображений обнаженной фигуры в скифском колпаке и с ритонем (см. о них: Иванчик 2002: 39–40). В действительности они представляют не скифов, а тоже греков, а головной убор символизирует «питие по-скифски» на симпозиис.

²⁶ Когда работа над этим текстом была уже завершена, нам удалось ознакомиться с ранее недоступной статьей Д. Браунда, имеющей отношение к рассматриваемому здесь сюжету: Braund 2006. Браунд отрицает связь изображения на «вазе Евримедонта» со сражением при одноименной реке, а взамен выстраивает довольно замысловатую схему, сводящуюся к следующему. Евримедонт на вазе – конкретный афинский гражданин (заметим, неизвестный из источников); сыном его являлся Спевсин, или Спевсипп, который, по некоторым данным, учредил в Афинах отряд скифов-стражников; наконец,

РЕЗЮМЕ

Обсценное изображение гомосексуального характера (греческий воин насилует перса) на краснофигурной ойнохое 460-х гг. до н. э. (т. н. «вазе Евримедонта») недвусмысленно связано с победой Кимона над персами при реке Евримедонт в Малой Азии. Интерпретируя данную сцену, ученые по большей части подчеркивают, что она символизирует триумф эллинов-победителей над восточными врагами. Автор статьи пытается продемонстрировать, что, помимо этого общего культурного контекста, можно распознать еще один контекст изображения – более узко-конкретный и вполне реальный. Известный эпизод с Кимоном, приказавшим раздеть персидских пленников (передан Ионом Хиосским), имел место, вероятнее всего, именно после битвы при Евримедонте, а не «при Сесте и Византии», как сообщает традиция (никакой кампании Кимона «при Сесте и Византии» вообще не было). Если афиняне воспользовались находившимся в их руках большим количеством обнаженных персов для акции символического насилия (что вполне вероятно), вазопищик мог запечатлеть именно этот эпизод. Но, конечно, перса на вазе нельзя было изобразить обнаженным: это противоречило бы всем канонам греческой художественной традиции.

Ключевые слова: Греко-персидские войны, Афины, Кимон, Евримедонт, вазопись, обсценные сцены, варвары

ON A POSSIBLE HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL CONTEXT
OF THE OBSCENE PICTURE AT THE “EURYMEDON VASE”
(AN OBSOLETE EPISODE OF THE GRECO-PERSIAN WARS)

I.E. Surikov

The obscene homosexual scene with a Greek warrior violating a Persian present at a red-figure *oinochoe* made in 460es B.C. (the so-called “Eurymedon Vase”) is unequivocally connected with Cimon’s victory over Persians at the Eurymedon River in Asia Minor. When interpreting the scene, most scholars emphasize that violation here symbolizes the triumph of Hellenic winners over their Eastern enemies. The author tries to demonstrate that, besides this general cultural context, there can be another context of the scene, a narrower and quite real one. The well-known episode of Cimon having Persian captives undressed (Ion of Chios, FGH 392 F 13; Plutarch, Cimon 9) took place most probably after the battle at Eurymedon and not “at Sestus and Byzantium” as tradition tells us (there was no such Cimon’s campaign at all). If Athenians used naked Persians in quantities in their possession for a symbolic violation (and it would have been quite natural), the vase painter would depict namely that

внуком последнего был философ-платоник Спевсипп. Реконструкция всецело построена на череде произвольных допущений, к которым к тому же примешиваются прямые ошибки. Например: Спевсипп, родившийся около 410 г. до н. э., приходился якобы внуком Платону (Braund 2006: 110). Получается, Платон в 17 лет уже имел внука?!

episode. Surely the Persian on the vase could not be portrayed naked, as if would have contradicted all canons of the Greek artistic tradition.

Keywords: Greco-Persian Wars, Athens, Cimon, Eurymedon, vase painting, obscene scenes, barbarians

ЛИТЕРАТУРА

- Алексинский Д.П.* 2003: Еще раз о «героической наготы» // Исседон. 2. С. 45–53.
- Волошин М.А.* 1988: Лики творчества. Л.
- Грант М.* 1998: Греческий мир в доклассическую эпоху. М.
- Иванчик А.И.* 2002: Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? II // ВДИ. 4. С. 23–42.
- Йегер В.* 2001: Пайдейя: Воспитание античного грека. Т. 1. М.
- Касаткина Н.А.* 2002: Завоевание Эйона во Фракии // Материалы VII чтений памяти проф. Н.П. Соколова. Нижний Новгород. С. 28–30.
- Марру А.-И.* 1998: История воспитания в античности (Греция). М.
- Нефёдкин А.К.* 2003: Нагота греческого воина: героика или реальность? // Проблемы античной истории: сборник научных статей. К 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб. С. 151–170.
- Нефёдкин А.К.* 2005: Продолжая дискуссию о спартанской наготы, лаконском пилосе и прочем... // Исседон. 3. С. 86–93.
- Семенцов В.С.* 1988: Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бахавадгиты // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. 3. С. 20–30.
- Суриков И.Е.* 2000: Ксантипп, отец Перикла: штрихи к политической биографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 8. С. 100–109.
- Фрейд З.* 1997: Введение в психоанализ. СПб.
- Badian E.* 1993: From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore.
- Braund D.* 2006: In Search of the Creator of Athens' Scythian Archer-police: Speusis and the "Eurymedon Vase" // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 156. S. 109–113.
- Bremmer J.N.* 1990: Adolescents, Symposion and Pederasty // Symptotica: A Symposium on the Symposion. Oxford. P. 138–148
- Cantarella E.* 1989: L'omosessualita nel diritto ateniese // Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln. P. 153–175.
- Dover K.J.* 1983: Homosexualität in der griechischen Antike. München.
- Georges P.* 1994: Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore.
- Henderson J.* 1991: The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. 2nd ed. Oxford.

- Hölscher T.* 1997: Immagini dell'identità greca // *I Greci: Storia, cultura, arte, società* / A cura di S. Settis. 2. Una storia greca. II. Definizione. Torino. P. 196–231.
- Humphreys S.C.* 1983: *The Family, Women and Death: Comparative Studies*. London.
- Isaac B.* 1986: *The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest*. Leiden.
- Jacoby F.* 1945: Some Athenian Epigrams from the Persian Wars // *Hesperia*. 14. 3. P. 160–190.
- Kienast D.* 2003: Der Hellenenbund von 481 v. Chr. // *Chiron*. 33. S. 43–77.
- Lissarrague F.* 1997: L'immagine dello straniero ad Atene // *I Greci: Storia, cultura, arte, società* / A cura di S. Settis. 2. Una storia greca. II. Definizione. Torino. P. 940–957.
- Loomis W.T.* 1990: Pausanias, Byzantion and the Formation of the Delian League // *Historia*. 39. 4. S. 487–492.
- McDonnell M.* 1991: The Introduction of Athletic Nudity: Thucydides, Plato, and the Vases // *Journal of Hellenic Studies*. 111. P. 182–193.
- Ruschenbusch E.* 1966: ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden.
- Schauenburg K.* 1975: ΕΡΡΥΜΕΔΩΝ ΕΙΜΙ // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 90. S. 97–121.

